

Последний губернатор

По воле судьбы последним Владимирским губернатором был Владимир Николаевич Крейтон. Родился он в 1871 г. в Санкт-Петербурге в семье родовитых дворян. Обучение прошел в пажеском корпусе. Одновременно посещал занятия в Петербургском археологическом институте.

7 февраля 1892 г. Крейтону произвели в камер-пажи. Службу проходил в знаменитом лейб-гвардии Преображенском полку. Но военная карьера не привлекала молодого человека и 1 февраля 1897 г. он увольняется в запас гвардии-поручиком. Месяц спустя его назначили секретарем в Рязанский статистический комитет.

Здесь, в Рязани, Крейтон осуществил свои мечты. Крейтон – член археологических экспедиций. Он принимает участие в раскопках курганов и могильников в Рязанском, Михайловском, Пронском, Зарайском, Егорьевском, Скопинском, Касимовском уездах, а также городища Старая Рязань.

Рязанский период в жизни Крейтону был самым насыщенным: любимые занятия, продвижение по службе, женитьба, рождение сыновей, семейное счастье. Спутницей жизни стала Мария Львовна Петровская, дочь Бессарабского вице-губернатора. Девушка получила прекрасное образование. Она была не только любимой женой, матерью, но и соратницей во всех делах мужа.

В марте 1897 г. Владимира Николаевича зачислили сначала сверхштатным, а со следующего года штатным старшим чиновником особых поручений при Рязанском губернаторе. Одновременно он исполнял должность секретаря, а позже и директора губернского тюремного комитета. В 1901 г. определен советником губернского правления.

Свои официальные должности, за которые отмечен орденом Станислава III степени, св. Анны III степени, медалями серебряными в память царствования Александра III, в память коронования Николая II, темно-бронзовой за труды по Всеобщей переписи населения 1897 г., он совмещал с деятельностью в Рязанской ученой архивной комиссии. Активно участвовал во всех делах комиссии: читал лекции, чтобы собрать средства на постройку музея, приводил в порядок библиотеку, помогал составлять каталог, собирал экспонаты для музея, осматривал церкви на предмет их сноса.

В феврале 1905 г. Крейтону перевели в Санкт-Петербург чиновником особых поручений V класса при генерал-губернаторе, а в 1906 г. — на ту же должность в Харьков. С 1911 г. он — Псковский вице-губернатор.

Несмотря на занятость по службе, Крейтон не оставил научную деятельность в археологии. Его избирают действительным, затем почетным членом Псковского

археологического общества. Он принимал деятельное участие в подготовке XVI археологического съезда, провел несколько разведок и раскопок в Псковской губернии. Местный музей пополнился его экспонатами и книгами.

9 июня 1914 г. Владимир Николаевич указом назначен Владимирским губернатором. 4 июля «Владимирские губернские ведомости» сообщили о прибытии в г. Владимир нового губернатора и вступлении «в управление Высочайше вверенной ему губернией».

В назначенный день в 12 часов дня в доме у губернатора собрались в парадной форме приглашенные чиновники.

Вряд ли предполагал новый губернатор, что здесь, во Владимире, городе-тезке, наступит конец счастью, конец карьере, конец увлечениям. А ведь Владимирская губерния притягивала к себе многих ученых, общественных деятелей, писателей своей богатейшей историей. Возможно и Крейтон, прибыв сюда, мечтал о продолжении научных археологических изысканий.

Но не пришлось новому губернатору заниматься научной деятельностью. Через несколько дней началась война. 20 июля (2-й день войны) Крейтон после молебна выступил перед собравшимися у памятника Александру II. Он зачитал текст телеграммы царю: «...высоко патриотические чувства, с неудержимой мощью охватившие все население искони русского древнего г. Владимира, влекут за собой многочисленные собрания на улицах и площадях, где гимн и бодрые призывы к защите Родины вызывают неопикуемый подъем духа. Я постоянно получаю просьбы повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества верноподданнические чувства...».

Уже 25 июля губернатор распорядился выдавать денежные пособия семьям призванных на войну «из расчета стоимости 1 пуда — 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли и 1 фунт постного масла на взрослого и в половинном размере на детей до 5-летнего возраста». Выдавать приказано пособие на 3 месяца вперед в сельской местности и на 1 месяц в городах.

В тот же день жена губернатора организовала Дамский комитет по изготовлению белья и снаряжения для формируемых Владимирской Георгиевской общиной сестер милосердия военно-лечебных заведений. Председательницей его избрана Мария Львовна Крейтон. Комитет занялся и приемом пожертвований от населения.

В военное время губернатор получает должность «главноначальствующего». За этой подписью шли все распоряжения по губернии.

И все же Владимир Николаевич находил время чтобы побывать на заседаниях Владимирской ученой архивной комиссии, являясь её почетным членом, а позже и председателем. В числе лиц, жертвовавших в фонд библиотечного музея ВУАК, значился и Крейтон.

В 1917 г. война обострила социальное положение страны. Надвигалась разруха и голод. Недостаток продовольствия ощутила и Владимирская губерния. Губернатору как председателю Особого совещания по продовольственному делу приходилось часто выезжать на места для обсуждения поставки хлеба.

Сколько сил, энергии, такта нужно было иметь Крейтону, чтобы успокоить население губернии. В обращениях к народу он объяснял положение дел и просил не обвинять местные власти «в недостатке заботливости»: «За последнее время мука, предназначенная для Владимирской губернии, поступает к нам с большими задержками и в очень ограниченном количестве. Поэтому нет возможности всё, что прибыло в тот или иной город, оставлять именно этому городу и приходится отнимать прибывшую куда-либо муку и пересылать в другое место, где положение особенно обострилось... Причина запаздывания прибытия муки для губернии кроется в медленном подвозе хлеба к станциям отправления и в ряде железнодорожных затруднений, связанных с военным временем».

Губернатор призывал народ «бросить злобу, бросить обвинения, в которых так легко, не зная общего положения дела, впасть в ошибку».

Серьезную угрозу на предприятиях создало упразднение фабричной полиции. Губернатор докладывал в Департамент полиции о создавшейся ситуации на фабриках и заводах в связи с этим актом. Не получив ответа на свои вопросы и предложения, он просит Министра внутренних дел разрешить лично прибыть в Петроград для доклада.

22 февраля 1917 г. Крейтон посылает конфиденциальное письмо с объяснением причины желаемого прибытия в столицу: «...желание лично представить доказательства настоятельно необходимости не только сохранения, но и увеличения должностей частновладельческой полиции взамен упраздненной фабричной».

Царским же министрам было не до Владимирского губернатора. Февральская революция покончит с ними 1 марта. Связь со столицей была прервана. По городу распространялись листовки о событиях в Петрограде и Москве. 1 марта губернатор отдал полицеймейстеру и уездному исправнику приказ: «ввиду слухов о народных волнениях и возможности посягательств на денежные кладовые, предписываю установить тщательное негласное наблюдение и войти в соглашение с начальником гарнизона об общей охране. Верю, что чины полиции во всем будут руководствоваться точным смыслом присяги».

На следующий день на улицах города появилось обращение губернатора к населению о сохранении спокойствия «во что бы то ни стало, зная, что всякий беспорядок на руку врагу России, в борьбе с которым полегло столько наших братьев, сыновей и отцов».

2 марта 1917 г. царь был вынужден отречься от престола. Судьба губернаторов находилась в руках новой власти. Во Владимире её помогла установить команда выздоравливающих солдат, в ночь на 3 марта прибывшая из Москвы.

9 марта «Старый Владимирец» опубликовал «Подробности первых арестов в г. Владимире». О них рассказал Дмитрий Карманов — участник этих событий.

«3 марта в час ночи организовалась команда выздоравливающих и вышла на улицу в составе 50 штыков, имеющих не более 30 боевых патронов. Шли по темному переулку, вступили на Большую улицу, благополучно прошли мимо полицейского участка и повернули к губернаторскому дому, где стоял у входа полицмейстер Шанов. К тому времени нас собралось около 200 человек. Первым был арестован полицмейстер, сорвали шашку и револьвер после чего взойшли в дом, где также без сопротивления был обезоружен губернатор. В 2 часа ночи арестованные были отправлены под конвоем в здание городской думы и содержались под конвоем 10 человек. Далее народ двинулся к 667 дружине, где после некоторых пререканий с командиром дружины присоединилось большинство, всего стало не менее 500 штыков, из которых было выделено 50 солдат для усиления караула и занятия почты, которую взяли в свое распоряжение около 3-х часов ночи.

В 5 часов утра пришла к городской думе какая-то команда в составе около 100 штыков и 3-х офицеров, якобы для освобождения арестованных, но караульные не допустили их в городской дом для освобождения.

Стойко продержались до прихода наших героев с оркестром музыки в составе 2000 штыков. Тогда мы смело заявили офицерам, чтобы они примкнули к нам. Офицеры категорически отказались присоединиться, но солдаты дали честное слово, что стрелять не будут.

Тогда во избежание эксцессов мы решили увести арестованных в дом губернатора, где и поместили их во втором этаже в одной комнате. Я расставил 40 человек конвоя, с арестованными обходились корректно. Такое обхождение подало губернатору мысль попросить принести кровать ему. Но я ответил, что мы, солдаты, спим в холодных сырых казармах и на грязных нарах, а у вас есть кушетки, на которых можете превосходно спать. На это он ничего не ответил, сел на кушетку и грустно опустил голову.

Но полицмейстер волновался и смотрел сквозь синие очки на журнал. Потом губернатор умолял передать народу, что он не говорил, что вместо хлеба будете есть своих детей, усердно просил беречь его семейство, каковое я пошел проверять: налицо оказались два сына и мать, но не было его жены, которая вскоре явилась в деревенской рваной куртке, разбитых валеных сапогах, покрытая грязной шалью, и сказала: Я ушла, потому что боялась, что меня будут бить.

Я уверил её, что никто не тронет пальцем, и предложил ей явиться к конвою для того, чтобы солдаты знали её в лицо. Она попросила позволения переодеться. После того ей много было предоставлено свободы без права выхода на улицу».

16 марта губернатор с семьей был препровожден в распоряжение командующего Московским военным округом. Дальнейшая судьба В.Н. Крейтона нам неизвестна.

«Губерния» 27 июня 1996 г.